

Старовойтов, М.И. Особенности развития национальных движений и осуществления национально-государственной политики в Беларуси и Украине (первая треть XX в.) / М.И. Старовойтов // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2006. — С. 128–134.

М. И. СТАРОВОЙТОВ

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В БЕЛАРУСИ И УКРАИНЕ (первая треть XX в.)**

Вся Центрально-Восточная Европа в рассматриваемый период переживала одну из определяющих стадий процесса модернизации, народы которой имели в своем развитии значительные особенности и отличия. Чтобы понять их применительно к национально-государственному самоутверждению белорусов, целесообразно сравнить конкретно-историческую специфику развития национального движения с нашими ближайшими соседями — украинцами. Почему в сравнении с нашими соседями условия для белорусского национального движения и нацгосстроительства в силу объективных и субъективных причин оказались наиболее неблагоприятными?

После объединения ВКЛ с Польшей в высших классах стало преобладать польское влияние. Аналогии гетманского государства белорусы не создали, и в войне 1654—1657 гг. Беларусь участвовала как часть Речи Посполитой. В конце XVIII в. Россия полностью присоединила Беларусь как часть Польского государства, а не заключила с ней договора типа Переяславского [17]. После разделов Польши под властью царя оказались и украинские земли на запад от Днепра. Включение «малороссов» и белорусов в состав России поставили проблему обоснования общего «российского» этнического происхождения названных народов. Однако действия в этом направлении встретили препятствия, в связи с зарождением и развитием «украинской идеи» в XIX в., согласно которой украинцы подобно чехам или полякам объявляли себя самостоятельным народом и не уступали в этом смысле россиянам [26]. Это весьма существенные моменты в предыстории проблемы.

Проводя сравнительный анализ развития национальных движений украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., П. Терешкович аргументированно показывает, что не Восточная Галиция («Украинский Пьемонт»), не столько униатство, сколько в первую очередь особенности этносоциальной структуры населения повлияли на различия в темпах развития консолидации этих наций. С точки зрения «социальных ресурсов» процесс формирования украинской нации находился в значительно лучших условиях, чем в Беларуси. С учетом особенностей социально-политического (земства на Украине были созданы намного раньше) и экономического (рыночная активность была в два раза выше белорусской) развития значительное запаздыва-

ние формирования белорусской национальной общности становится полностью понятным, так как вызвано объективными причинами [25]. Здесь уместно привести образное высказывание архитектора белорусского Возрождения М. Богдановича о положении в Беларуси в конце XIX в. Он писал: «Не трэба і казаць, што ніякага колькі-небудзь прыкметнага беларускага руху тады і ўпаміне не было, бо нацыянальная свядомасць не магла развівацца ў народзе без помачы ўласнай інтэлігенцыі, а яна толькі што яшчэ пачынала адслаівацца». И только 1905 г., по его определению, стал переломной вехой в истории белорусского Возрождения [1].

В первое десятилетие XX в. национальные движения на белорусских и украинских землях политически структурируются (создаются партии, разрабатываются программы, участие в парламентской жизни) и обсуждаются вопросы о направлениях национальной государственности. Однако украинское национальное движение организационно и политически оказалось более сильным. Об этом можно судить по таким убедительным фактам. Если в Беларуси выходила одна, основанная единственной национальной партией (БСГ), белорусская газета — «Наша ніва», то на Украине было несколько партий и издавалось в 1911 г. 104 украинские газеты и журнала: в Надднепровской Украине — 16; Галиции, Буковине, Закарпатье — 59; за пределами Украины — 29 [18]. Как видим, распространение национальных идей, которое осуществлялось через печать, имело значительное преимущество на Украине. Это понимали и белорусские деятели «нашенивского периода», которые использовали газету для пропаганды успехов и опыта украинского национального движения [11]. Они взяли курс на формирование «этнокультурной» белорусской нации, т. е. на пропаганду и распространение национальной культуры и языка.

Еще более разительный контраст в уровне национального сознания украинцев и белорусов как результат работы политических лидеров проявился в новой очень сложной геополитической и социальной обстановке. На выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. украинские партии набрали 5 млн голосов и

значительно опередили все русские партии на Украине [4]. Белорусские же партии и объединения на этих выборах получили только 19 тыс. голосов (0,6 %), в том числе 10 тыс. голосов — БСГ [24]. Ни по одному из четырех округов ни один белорусский кандидат в Учредительное собрание не прошел [22].

Перенимался не только «культурнический» и политический опыт, но и предлагалась даже федерация двух государств, о чем свидетельствуют документы (даются на языке оригинала). Так, украинская газета «Відродженне» от 13 апреля 1918 г. сообщала: «З упадком царату повстали національні

держави і вони ждуть правильної розв'язки. Приходить на чергу Білорусь. Вже не можна говорити про розділ Білорусі. Білоруська Рада, яка засвоює українські методи національного самовизначення, проголосила самостійність. Та до неї не спосібна, бо не має доступу до моря, тож проєктують їй унію з Литвою. По думці редакції, цю ідею білорусько-литовської спілки буде підпірати Українська Народна Республіка, бо се допоже злучити Чорне море з Балтійським. А поляки вже не матимуть разом із москалями інтригувати на Сході Європи, бо Білорусь розділить їх границі» [9]. А. Цвикевич в своем обращении к правительству Украины писал следующее: «Белоруссия теперь — непризнанная “республика”, возглавляемая самочинным Народным Секретариатом, рассылающая ноты государствам, образовывающая посольства, одним словом, творящая видимость государственной “самостоятельности”, — но великая задача и тяжелая ответственность лежит на тех, кто взялся вести государственный белорусский корабль сквозь непроницаемую тьму и бурю нашего времени, среди явных и секретных опасностей, грозящих анархией и, быть может, полной гибелью <...>. Если вспомнить национальную пассивность белорусского народа, обусловленную польским периодом истории, и то, что работа и силы белорусского правительства должны быть направлены не на национальную борьбу, а на улучшение и реставрацию экономической жизни страны, то становится понятным, что захватные тенденции Польши не встретят достаточно твердого и резкого отпора <...>. Беларусь в ближайшем времени будет поставлена перед необходимостью выбирать ту или иную ориентацию, ибо политическая самостоятельность Беларуси среди трех могучих соседей: Украины, Польши и Совдепии — была бы политическим недоразумением <...>. Украина, по нашему убеждению, есть тот сильный и дружественный сосед, федерация с которым сулит Беларуси экономическую выгоду и политическую безопасность <...>» [8]. Как видим, достаточных национальных, политических и государственных ресурсов у белорусов не было.

Анализируя национальную (работы лидеров БНР), советскую и зарубежную историографию, академик И. Игнатенко убедительно показал, что общей чертой исследований является признание отставания развития белорусского движения от национальных движений Украины, Литвы, Финляндии, Польши, потому что у соседей оно было более широким и поддерживалось народом [10].

Даже неполный анализ доступных исследований различных авторов и опубликованных документов позволяет сделать вывод о том, что нациотворческий процесс в рассматриваемый период у белорусов шел следом за украинским и равнялся на него. Белорусские национал-коммунисты исполь-

зовали и опыт нацгосстроительства в Украине и в первое десятилетие Советской власти.

В 20-е гг. XX в. национальный вопрос являлся одной из самых актуальных проблем политической жизни БССР и УССР. Важнейшей составной его частью стало и такое не менее сложное политическое явление, как белорусизация и украинизация, которые сыграли существенную роль в национально-государственном и культурном строительстве этих республик.

Формирование государственности на советской основе в Украине началось раньше. Большевистские лидеры учитывали экономическое, политическое, стратегическое, этнодемографическое преимущественное положение Украины и ее возможную роль в укреплении Советской власти. Право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства Ленин в первую очередь распространил на Украину. Осуществление советской национальной политики также началось раньше. Важную роль в этом сыграли речь Ленина на VIII конференции РКП(б) и принятая на ней резолюция «О Советской власти на Украине», а также его «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным» (декабрь 1919 г.). В указанной резолюции подчеркивалось: «Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс, учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс» [14]. В борьбе за свою власть Сталин тоже опирался на национальные республики, что стало очевидным на X и XII съездах РКП(б). Он поддержал национал-коммунистов Беларуси и Украины. Эти съезды определили национальную политику в республиках.

Цели и задачи украинизации были рассмотрены на пленуме ЦК КП(б)У 6 февраля, а затем дополнены и утверждены пленумом 17 октября 1922 г. [19]. В БССР в октябре — ноябре 1921 г. проводились дискуссионные собрания ответственных работников Минской организации КП(б)Б с целью приспособления

резолюции X съезда РКП(б) к условиям Беларуси. 5 декабря 1921 г. были опубликованы тезисы «Белорусский национальный вопрос и Коммунистическая партия». Концептуальное же оформление политики белорусизации произошло на XII Всебелорусской партийной конференции (VII съезд КП(б)Б 20—26 марта 1923 г.) после обсуждения доклада председателя ЦИК и СНК БССР, члена бюро ЦК КП(б) Б А. Червякова «Национальные моменты в государственном и партийном строительстве» [2]. В советском порядке практическое осуществление украинизации было начато после принятия декретов ВУЦВК УССР от 27 июля и 1 августа 1923 г. [16],

а в БССР — после 15 июля 1924 г., когда 2-я сессия ЦИК республики приняла законопроект «О практических мероприятиях по проведению национальной политики в Белоруссии» [20].

Осуществление национальной политики в республиках последовательно проводилось в русле общей политики РКП(б), но с учетом местных особенностей. После XII съезда РКП(б) и июньского (1923 г.) совещания по национальному вопросу в Москве окончательно утвердился курс на коренизацию Советской власти в национальных республиках, которую необходимо было осуществлять путем вовлечения в партийно-советский, профсоюзный, комсомольский и хозяйственный аппараты местных пробольшевистски настроенных кадров.

В БССР и УССР партийно-советский аппарат преимущественно был некоренной национальности. В 1922 г. из 6157 членов КП(б)Б 72 % составляли русские [5]. В КП(б)У на начало 1924 г. из 57 тыс. членов партии русские составляли 45 %, украинцы — 33, евреи — 14 % [15]. Политика коренизации осуществлялась с большими трудностями, но достаточно настойчиво в Украине [16]. Белорусские национал-коммунисты пытались использовать опыт соседей в осуществлении кадровой политики [21]. К 1929 г. среди членов КП(б)Б было уже 54,3 % белорусов, 23,7 — евреев, 14,0 — русских, 8,0 % — других национальностей, а среди служащих советского аппарата — от 31 до 60 % [2]. В начале 1930 г. в КП(б)У было 53 % украинцев, а в советском аппарате удельный вес их за 1923—1927 гг. увеличился с 35 до 54 % [12].

Решение задач белорусизации и украинизации проходило в очень сложных условиях. Но как в БССР [6], так и в УССР [16] главной задачей было переломить психологию людей, в том числе и партийно-советского актива, убедить общественность в необходимости проведения политики коренизации.

Закономерным результатом такой национальной политики явилось то, что в 20-е гг. была осуществлена большевистская коренизация Советской власти в Беларуси и в Украине, наблюдался заметный подъем национально-культурного возрождения этих республик. Исследования подтверждают, что культурно-политические события в УССР оказали существенное воздействие на содержание и осуществление национально-культурной политики в БССР в целом [21] и применение ее к обеспечению жизнедеятельности национальных меньшинств [23]. Более значительного суверенитета союзные республики в то время получить не могли. Придя к пониманию значения административного ресурса, советское руководство Украины и Беларуси решало свои первоочередные задачи. Но если Х. Раковский, Н. Скрипник, В. Чу-

барь, Г. Гринько отстаивали экономический суверенитет УССР, хотя и безуспешно [3], то А. Червяков, В. Игнатюк и другие решали и решили проблему I и II укрупнения БССР, так как это была главная задача нацгосстроительства в республике. Украина также решила свои территориальные вопросы в 1924—1925 гг. Хотя прекращение политики белорусизации и украинизации в БССР и УССР официально никогда не провозглашалось, процесс их свертывания начался с конца 20-х гг. и привел к известным трагическим последствиям в 30-е гг. в обеих республиках.

Представляется, что проблема осуществления национально-государственной политики заслуживает более пристального внимания и, возможно, совместного с украинскими коллегами изучения общего и особенного в белорусской и украинской истории межвоенного времени (20—30-е гг. XX в.). Именно в этот период произошли значительные изменения во всех сферах жизни общества и этносов, проживающих в Беларуси и в Украине. О развитии научных контактов, о работе над совместными проектами говорилось на двух международных конференциях в 2003 г. [7, 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдановіч, М. Неслухоўскі / М. Багдановіч // Поўн. зб. тв.: у 3 т. Мн., 1972. Т. 2. С. 183, 231.
2. Беларусізацыя 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мн., 2001. С. 12, 47—58.
3. Бут, А. М. НЭП в Украине: развитие и размещение производительных сил / А. М. Бут. Донецк, 1997. С. 23—27.
4. Грицак, Я. Нарис історії України. Формирования модерної української нації XIX—XX ст. / Я. Грицак. Київ, 2000. С. 100.

5. *Запруднік, Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях / Я. Запруднік. Мн., 1996. С. 93.
6. *Зеленкова, А. И.* Гомельщина многонациональная (20—30-е годы XX века) / А. И. Зеленкова, М. И. Старовойтов. Вып. II. Гомель, 2000.
7. *Зеленкова, А. И.* Белорусско-русско-украинское пограничье как этнокультурный феномен / А. И. Зеленкова, В. П. Пичуков, М. И. Старовойтов // Еврорегион «Днепр»: создание и развитие, проблемы и перспективы: материалы Междунар. учред. науч.-практ. конф. 29 апр. 2003 г. Гомель, 2003. С. 130—133.
8. *Зубко, В.* Знешнепалітычная чыннасць Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1919—1920 гг. ва ўкраінскай інтэрпрэтацыі / В. Зубко // Гістарычны альманах. Т. 8. Гродна, 2003. С. 111—112.
9. *Зубко, О.* Документы по истории белорусского национального движения 1917—1930-х гг. в ЦГАВОВУ Украины / О. Зубко // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 4. Мн., 2003. С. 189.

10. *Ігнаценка, І.* Гістарыяграфія нацыянальнага руху на Беларусі / І. Ігнаценка // Іларыён Мяфодзьевіч Ігнаценка (Да 80-годдзя з дня нараджэння). Мн., 2000. С. 80—81.
11. *Ільін, А.* Нацыянальнае адраджэнне пачатку XX стагоддзя: беларуска-ўкраінскія павядзі / А. Ільін, М. Гарбачык // Спадчына. 2000. № 2. С. 43.
12. *Історыя Украіны: новае бачення: навальны посібник.* 2-е вид. Київ, 2000. С. 302.
13. *Кошалеў, М.* Беларусь — Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін / М. Кошалеў // Бел. гіст. часоп. 2003. № 3. С. 94.
14. *Кульчицкий, С.* Курс — українізацыя / С. Кульчицкий // Родина. 1999. № 8. С. 109.
15. КПСС в резол. и реш. съездов, конф. и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 199.
16. *Лозицкий, В. С.* Політыка українізацыі в 20—30-х роках: історыя, праблемы, урокі / В. С. Лозицкий // Украінскі гісторычны журнал. 1989. № 3. С. 48, 50—52.
17. *Норбэрг, М.* Пабудова нацыяў і дзяржаваў / М. Норбэрг, Т. Кузе // ARCHE. 2001. № 5. С. 69.
18. *Національні процеси в Украіні: історыя і сучаснісць.* Док. і мат.: доведнік. Київ, 1997. Ч. 1. С. 305.
19. *Національні процеси в Украіні: історыя і сучаснісць.* Док. і мат.: доведнік. Київ, 1997. Ч. 2. С. 11—15.
20. *Пичуков, В. П.* Гомельщина многонациональная (20—30-е годы). Вып. 1 / В. П. Пичуков, М. И. Старовойтов. Гомель, 1999. 235 с.
21. *Пурышева, Н. М.* «Украинский фактор» в национально-культурной политике Беларуси (1920-е — начало 1930-х гг.) / Н. М. Пурышева // Беларусь — Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 18—19 сак. 2003 г.). Мн., 2004. С. 250—253.
22. *Рудовіч, С.* Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. / С. Рудовіч. Мн., 2001. С. 164.
23. *Старовойтов, М. И.* Этнические группы в условиях белорусизации и украинизации (20—30-е годы XX в.) / М. И. Старовойтов // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэсп. навук. канф. 26 сак. 2004 г. Мн., 2004. С. 109—115.
24. *Урбановіч, А.* Устаноўчы сход / А. Урбановіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. Мн., 2003. Т. 6. Кн. 2. С. 11.
25. *Церашковіч, П. У.* Сацыяльныя перадумовы фарміравання ўкраінскай і беларускай нацыянальных супольнасцей у XIX — пачатку XX стст. / П. У. Церашковіч // Беларусь — Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 18—19 сак. 2003 г. Мн., 2004. С. 182—186.
26. *Шпарлюк, Р.* Нацыяналізм пасля камунізму: Расея, Украіна, Беларусь і Польшча / Р. Шпарлюк // ARCHE. 2001. № 5. С. 93—94.